

Сытина Ю. Н. «Я <...> совсем не карамзинист, но...»: Н. М. Карамзин в осмыслении В. Ф. Одоевского (к постановке проблемы) / Ю. Н. Сытина // Научный диалог. — 2015. — № 12 (48). — С. 198—208.

УДК 82.091

«Я <...> совсем не карамзинист, но...»: Н. М. Карамзин в осмыслении В. Ф. Одоевского (к постановке проблемы)*

© Сытина Юлия Николаевна (2015), кандидат филологических наук, старший преподаватель, кафедра русской классической литературы, Московский государственный областной университет (Москва, Россия), yulyasytina@yandex.ru.

Рассматривается вопрос о восприятии личности, литературного и исторического наследия Н. М. Карамзина В. Ф. Одоевским — писателем-романтиком, философом, государственным деятелем, принадлежавшим уже к совсем иному поколению, нежели Карамзин, но чувствовавшим силу влияния историографа на русское общество в целом. Поставленный вопрос актуален и с точки зрения осмысления того места, которое занимал Карамзин в сознании людей николаевской эпохи, и с точки зрения бытования и развития идей, волновавших в свое время главного русского сентименталиста. Более того, сравнение Карамзина и Одоевского позволяет взглянуть на их воззрения в новом, порою неожиданном ракурсе, что придает обоим мыслителям характерную выразительность и колоритность, подчеркивает их самобытность. Внимание уделяется не только литературно-эстетическим, но и религиозно-философским, историософским, социально-политическим исканиям Карамзина и Одоевского, отражающим развитие самой русской мысли, склонной к провиденциальному пониманию исторического процесса. Принципиальное отличие взглядов Карамзина от позиции Одоевского по целому ряду вопросов состоит в том, что первый делает выводы, пристально всматриваясь в прошлое и полагая основой благополучия именно его, тогда как второй, напротив, весь устремляется в будущее.

Ключевые слова: Н. М. Карамзин; В. Ф. Одоевский; литература; история; историософия; традиция.

I. Введение

Н. М. Карамзин занимает особое место в истории русской культуры. Как отмечает Т. А. Алпатова, «сегодня уже невозможно представить нашу литературу, журналистику, литературную и театральную критику, философскую мысль, “диалог” с другими культурами и народами, русскую историю и самосознание русского человека без того уникального художественно-философского, историко-политического и нравственного феномена, имя которому — Карамзин» [Алпатова, 2011а, с. 113—114]. «С момента выхода его первых повестей, а затем и томов “Истории Государства Российского” он стал объектом противо-

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-04-00494.

речивой критики», — аргументировано замечает Л. А. Сапченко, составитель издания «Н. М. Карамзин: pro et contra» [Сапченко, 2006].

Восприятие личности и обширного наследия Н. М. Карамзина в различные времена, так или иначе, становилось объектом изучения [Алпатова 2011б; Сапченко, 2006], однако об отношении В. Ф. Одоевского к Н. М. Карамзину упоминалось лишь вскользь [Сахаров, 1981; Турьян, 1991]. Вместе с тем рассмотрение этого вопроса представляется продуктивным и с точки зрения осмысления того места, которое занимал историограф в русском сознании николаевской эпохи, и с точки зрения бытования и развития идей, волновавших в свое время Карамзина — то есть с точки зрения развития самой русской мысли. Не говоря уже о том, что при сравнении воззрений Карамзина и Одоевского обе эти фигуры предстают рельефнее и многограннее.

2. Значение Н. М. Карамзина-писателя для В. Ф. Одоевского

В. Ф. Одоевский (1804—1869) принадлежал уже совсем к иному поколению, нежели Карамзин (1766—1826). Пути их пересеклись, только когда младший современник учился в Благородном пансионе: воспитанников допускали на заседания Общества Любителей российской словесности, в которых принимал участие и Карамзин. По замечанию Н. Ф. Сумцова, «всякое чтение в Обществе вызывало у студентов живые споры и суждения» [Сумцов, 1884]. Впоследствии, но уже после смерти историографа, Одоевский стал завсегдатаем в петербургском литературном салоне Карамзиных и, более того, сам продолжил салонную традицию: «Таких домов вы знали четыре: дом Олениных, дом Карамзиных, дом Виельгорских, дом Одоевских. В этих домах учёные и мыслители, поэты и художники были не в гостях, а у себя дома; они чувствовали себя, как в родимом гнезде» [Соллогуб, 2006, с. 473], — вспоминал В. А. Соллогуб.

Отношение Одоевского к Карамзину было непростым. В рецензии 1827 года на «Памятник отечественных муз», составленный Б. М. Федоровым, Одоевский, по замечанию М. А. Турьян, «довольно небрежно» обошелся «со “стариками” — Державиным и Карамзиным» [Турьян, 1991, с. 129], что, по словам М. П. Погодина, возмутило А. С. Пушкина и привело к сокращению рецензии при публикации в «Московском вестнике». М. П. Погодин в письме Одоевскому так передавал отзыв А. С. Пушкина: «Здесь есть много умного, справедливого, но автор не знает приличий: можно ли о Державине и Карамзине сказать, что “имена их возбуждают приятные воспоминания” <...>?» [Цит. по: Турьян, 1991, с. 129]. Этот пушкинский урок не прошел даром, и два года спустя Одоевский сам уже защищал «великого историка от нападок с пушкинских позиций» [Турьян, 1991, с. 160].

«Я сам, как вы знаете, совсем не карамзинист, но и меня возмутило сочинение, в котором великого писателя тормозят как школьника» [Цит. по: Турьян, 1991, с. 158], — писал Одоевский М. П. Погодину в 1829 году, после

прочтения содержащей резкую критику Карамзина статьи Н. С. Арцыбашева, опубликованной в «Московском вестнике». Важнейшая заслуга историографа, по мнению младшего современника, состояла в том, что Карамзин первый сумел сделаться писателем народным и именно благодаря ему «не произносятся более имени литератора с насмешкою, просвещение перестало быть словом однозначительным с преступлением» [Цит. по: Турьян, 1991, с. 159]. Поэтому посягательство на имя Карамзина было для Одоевского, как, впрочем, и для А. С. Пушкина, П. А. Вяземского, равнозначно покушению на просвещение. В том же письме М. П. Погодину Одоевский пишет: «Я не говорю о том, справедливы или несправедливы мнения г. Арцыбашева; дело в том, что таким тоном не говорят о единственном нашем историке. <...> Вы знаете, что я далек от тех безусловных почитателей, которые не хотят верить ошибкам великого писателя, но <...> оставя и талант его и все другие отношения, должно заметить, что Карамзин был счастливее, умевший заинтересовать нашу публику, сделаться писателем народным» [Цит. по: Турьян, 1991, с. 158—159]. Достижение это тем выше в глазах Одоевского, что самому ему писательский труд в конкретных исторических условиях тогдашней России зачастую представлялся лишенным всякой общественной пользы. «Что у нас Литература?» — задается вопросом герой «Петербургских писем» (1835) и печально размышляет: «Будь хоть семи пядей во лбу — твое сочинение не перейдет за круг твоих приятелей, и тех еще надобно заставить тебя слушать или подарить им по экземпляру; у нас нет врожденного, непроизвольного стремления к просвещению» [Одоевский, 1835, с. 58].

Влияние Карамзина на русскую литературу Одоевский обозначил в программной статье, опубликованной в пушкинском современнике, — «О вражде к просвещению, замечаемой в новейшей литературе» (1836). Здесь он иронически прошелся по толпе эпигонов, прежде всего имея в виду Ф. В. Булгарина и Н. И. Греча, которые «бессовестно выписывали» по «нескольку страниц» из «Истории...» Карамзина, тем самым присваивая себе славу «национальных романистов» [Одоевский, 2006, с. 355]. В произведениях самого Одоевского сложно обнаружить какие-либо заимствования из Карамзина, однако, будучи писателем-романтиком, он не мог не испытать, пусть и опосредовано, влияния сентиментальной прозы. Как отмечал В. Г. Белинский, романтическая повесть берет свои истоки в повестях Н. М. Карамзина «Остров Борнгольм» (1794) и «Сиерра-Морена» (1795) — именно они «наклонили вкус публики к роману, как изображению чувств, страстей и событий частной и внутренней жизни людей» [Белинский, 1956, с. 122].

Характерно, что к авторитету Карамзина Одоевский прибегает, защищая А. С. Пушкина от нападок «торговой словесности»: «Знаете ли, отчего Пушкин перестал быть поэтом? Рецензент, пишущий под вдохновением “Северной пчелы”, в своей младенческой душе отыскал лишь следующую причину: “Пушкин уже больше не поэт, потому что издает журнал”. Было бы смешно возражать на

такое обвинение, было бы обидно для читателей, если бы мы стали вспоминать, что Карамзин и Жуковский, Шиллер и Гете были журналистами» [Одоевский, 1981, с. 252]. Едва ли случайно, что первым в этом списке идет именно Карамзин, — вероятно, как наиболее авторитетный для русского читателя автор.

Для Одоевского Карамзин — именно писатель, поэт, а только потом уже ученый: «<...> везде поэтическому взгляду в истории предшествовали ученые изыскания; у нас, напротив, поэтическое проницание предупредило реальную разработку; “История” Карамзина навела на изучение исторических памятников, до сих пор еще не конченное» [Одоевский, 1981, с. 244]. По мнению Одоевского, «История Государства Российского» как ученый труд далеко не бесспорна. В «Русских ночах» он едко пишет об ученых, которые основывают «первые века русской истории на сборнике монаха, для препровождения времени списывавшего гофмановские повести византийских летописцев!» [Одоевский, 1981, с. 151], то есть на «Повести временных лет». Замечание это напрямую затрагивает Карамзина, который ссылаясь в «Истории Государства Российского» на «нашего летописца» Нестора [Карамзин, 1851, т. 1, с. 112].

3. К вопросу об истории, историософии и религии

Иначе смотрел Одоевский и на другие вопросы, связанные с историей России, прежде всего, на личность Петра I и его роль в судьбе отечества. Отношение Карамзина к великому русскому преобразователю претерпело немалые изменения [Алпатова, 2007; Алпатова, 2009], и если герой «Писем русского путешественника» признается, что почитает Петра «как великого мужа, как героя, как благодетеля человечества, как моего собственного благодетеля» [Карамзин, 1964, т. 1, с. 344], то зрелый Карамзин судит совсем иначе. Реформы первого русского императора представляются ему во многом искусственными: «Мы стали гражданами мира, но перестали быть, в некоторых случаях, гражданами России. Виною Петр. Он велик без сомнения; но еще мог бы возвеличиться больше, когда бы нашел способ просветить ум россиян без вреда для их гражданских добродетелей» [Карамзин, 1991, с. 35]. Много более благодатным для России считал Карамзин правление иных властителей: «Но мы, россияне, имея перед глазами свою историю, подтвердим ли мнение несведущих иностранцев и скажем ли, что Петр есть творец нашего величия государственного? Забудем ли князей московских: Иоанна I, Иоанна III, которые, можно сказать, из ничего воздвигли державу сильную <...>. И, славя славное в сем монархе, оставим ли без замечания вредную сторону его блестящего царствования?..» [Карамзин, 1991, с. 32].

По мнению Одоевского, преобразования Петра Первого, напротив, были не только закономерными, но и совершенно необходимыми для России. В дилогии «Саламандра» писатель превозносит и личность, и деятельность Петра, рисуя русского императора исполином и придавая этому образу мифологический оттенок. Похожий образ появляется и в «Русских ночах»: «Был на сем

свете великий естествоиспытатель, по имени Петр Великий; ему достался на долю организм чудный, достойный его духа. <...> но этой огромной системе сил не доставало маятника; <...> еще несколько веков этих мгновений в жизни народа — и мощный мир изнурил бы себя собственной своею мощью. Великий знажок природы и человека не отчаялся; он видел в своем народе действие иных стихий, почти потерявшихся между другими народами: чувство любви и единства, укрепленное вековою борьбою с враждебными силами; видел чувство благоговения и веры, освятившее вековые страдания; оставалось лишь обуздать чрезмерное, возбудить заснувшее <...> [Одоевский, 1981, с. 242]. Таким образом, преобразования Петра Первого, по мнению Одоевского, были нужным, спасительным этапом для России, не затронувшим, однако, глубинного характера русской натуры, «коренных оснований Русской жизни»: «Россия осталась при своей неповрежденной религии, удержала в полной мере формы своего прежнего, освященного веками, быта общественного, сохранила свой язык и нравы» [Литературные прибавления..., 1837, с. 1], — писал А. А. Краевский в статье «Мысли о России», названной П. Н. Сакулиным «profession de foi» редакции «Литературных прибавлений...», т. е. Краевского и Одоевского» [Сакулин, 1913, с. 596].

Вместе с тем Одоевский приближается к Карамзину в оценке отношений России XIX века и Европы. В. А. Никонов отмечает, что Европа для Карамзина «не единственный свет в окошке» [Никонов, 2012, с. 4], и ее прошлое, и ее настоящее «даёт Карамзину много оснований для упрёков, на фоне которых российская [история. — Ю. С.] выглядит совсем неплохо» [Никонов, 2012, с. 4]. Однако принципиальное отличие взглядов Одоевского от позиции Карамзина относительно проблемы соотношения России и Европы и целого ряда других вопросов состоит в том, что Карамзин делает выводы, пристально всматриваясь в прошлое и полагая основой благополучия именно его, тогда как Одоевский, напротив, весь устремляется в будущее.

По мнению историографа, Россия «скорее может упасть, нежели ещё более возвеличиться». В «Записке о древней и новой России» он так сформулировал «классические принципы русского консерватизма» [Минаков, 2005]: «требуем более мудрости хранительной, нежели творческой», «всякая новость в государственном порядке есть зло, к коему надо прибегать только в необходимости», «для твердости бытия государственного безопаснее поработать людей, нежели дать им не вовремя свободу» [Цит. по: Минаков, 2005]. Одоевский же, напротив, ратует за повсеместные преобразования и прогресс — и в науке, и в технике, и в социальной сфере. Он говорит не только о силе и самобытности России, но и, главное, о ее великом будущем: «Мы поставлены на рубеже двух миров: протекшего и будущего; мы новы и свежи; мы непричастны преступлениям старой Европы <...>. Велико наше звание и труден подвиг! Все должны оживить мы! Наш дух вписать в историю ума человеческого, как имя наше вписано на скиржальных победы. Другая, высшая победа — победа науки,

искусства и веры — ожидает нас на развалинах дряхлой Европы <...>. Деятнадцатый век принадлежит России!» [Одоевский, 1981, с. 202—203].

Однако жажда преобразований не мешала Одоевскому оставаться консервативным и государственным деятелем. Как и Карамзин, он полагал, что во главе русского просвещения стоит правительство. В статье «О вражде к просвещению...» писатель подчеркивал, что «юное растение» русского просвещения посажено «мудрой десницей Петра» и с тех пор поддерживается «правительством и — извините — одним правительством» [Одоевский, 2006, с. 356].

Вместе с тем ключевая для Одоевского идея о высоком предназначении России звучала и у Карамзина. В. В. Зеньковский отмечает, что у него, «как историка, начинает воскресать идея “священного” характера власти, оживает утопическая идеология XVI в., — но уже, конечно, без церковного пафоса» [Зеньковский, 1989, т. 1, с. 137]. Однако можно и возразить против несколько категоричного мнения В. В. Зеньковского о полной подмене Карамзиным «церковного обоснования учения о власти» и «церковного пафоса» «заботой о славе России» и «эстетическим любованием русской жизнью» [Зеньковский, 1989, т. 1, с. 137]. И. Е. Рудковская пишет: «Как автор гражданской истории, Карамзин редко позволял себе обобщения, выдвигающие на первый план религиозные ценности. Об их значимости для историка свидетельствует в большей мере его эпистолярное наследие. <...> По Карамзину, исходное религиозное самоопределение дало ощутимое преимущество Руси» [Рудковская, 2013, с. 90].

Схожая манера повествования характерна и для Одоевского. В эпилоге его «Русских ночей» так же звучит русская идея, во многом восходящая к средневековому пониманию России как Третьего Рима и Нового Иерусалима, однако с поправкой на реалии XIX столетия — с учетом научных, промышленных и просветительских достижений, в ключе все-таки секулярном, светском. Религиозный пафос, давший основу средневековой концепции, проявляется у Одоевского подспудно, уходит в подтекст, уступая место материальным заботам о посюсторонности и обустройстве, совершенствованию именно земного, временного мира.

Однако историософия России осмысливается Одоевским именно с религиозных позиций — им последовательно подчеркивается роль Провидения и Промысла. Отсутствие четко артикулированной конфессиональности едва ли говорит о «широте» взглядов Одоевского на этот вопрос, скорее, наоборот, свидетельствует о стремлении автора уйти от официозности, избежать фарисейства.

Убеждение в исключительной важности Православия для России было ключевым и для Карамзина, и для Одоевского. «Карамзин признавал несомненным преимуществом России то обстоятельство, что “Святой Владимир предпочел Константинополь Риму”» [Рудковская, 2013, с. 89] — отмечает И. Е. Рудковская. «Шеллинг стар, а то, верно бы, перешел в православную церковь» [Одоевский, 1982, с. 142], — с полным убеждением напишет Одоевский в 1842 году после

личной беседы с Ф. В. Й. Шеллингом (об отношении Одоевского к православию см. подробнее: [Гаврюшин, 1998; Турьян, 2006; Сытина, 2014]).

Именно на вере в благое Провидение, в конечном счете, основывали свои воззрения и надежды и Карамзин, и Одоевский — оба не лишённые сомнений, оба глубоко переживавшие за судьбу России и человечества в целом. Нотки отчаяния, звучащие в письме «Мелодора к Филалету» Карамзина, не были чужды и Одоевскому. Так, Ростислав в «Ночи I» «Русских ночей» с ужасом всматривается в действительность, в извечную «вражду», «смешение языков, казни без преступлений и преступления без казни» и в ожидающие «на конце поприща смерть и ничтожество» [Одоевский, 1981, с. 34—35]. Подобные размышления невольно наводят юного романтика на мысли о тщете человеческого существования, прямо переключаясь с вопросами Екклесиаста: «Ибо кто знает, что хорошо для человека в жизни, во все дни суетной жизни его, которые он проводит как тень? И кто скажет человеку, что будет после него под солнцем?» (Еккл. 6: 12).

Как у Карамзина Филалет в ответном письме Мелодору воодушевляет своего друга верой в благое Провидение («Будем, мой друг, будем и ныне утешаться мыслию, что жребий рода человеческого не есть вечное заблуждение и что люди когда-нибудь перестанут мучить самих себя и друг друга. Семя добра есть в человеческом сердце и не исчезнет вовеки, рука провидения хранит его от хлада и бурь» [Карамзин, 1964, т. 2, с. 255]), так и для героя Одоевского единственной, но твердой опорой оказывается вера в Бога и в светлое будущее: «Будет призванный из народа юного, свежего, непричастного преступлениям старого мира! — восклицает рассказчик. — Будет достойный взлелеять в душе своей высокую тайну, возставить светильник на свещницу — и спутники изумятся, каким образом разрешение задачи было так близко, так ясно — и так долго скрывалось от глаз человека» [Одоевский, 1981, с. 201].

4. Заключение

Как и Карамзин, Одоевский был человеком ищущим, лишенным принципиального догматизма, взгляды его также развивались и в свете разворачивающейся истории, и под влиянием личной жизни. Не только круг общения, но и круг религиозно-философских, историософских, эстетических, социально-политических раздумий объединял Карамзина и Одоевского. Однако как в салоне младшего современника публика была самой разнообразной и зачастую разночинно-демократичной, в отличие от элитарного, замкнутого круга общения историографа, так и по взглядам своим и жажде преобразований практических Одоевский шел дальше Карамзина, в политике, однако, сохраняя консервативные позиции. Особый интерес представляют собой историософские и государственные взгляды Одоевского и Карамзина — отдельная и большая тема, которая не может быть рассмотрена вне широкого контекста русской мысли.

Литература

1. *Алпатова Т. А.* Карамзин-повествователь : диалог с историей на страницах «Писем русского путешественника» / Т. А. Алпатова // Текст и контекст в литературоведении : сборник научных статей по материалам Международной научной конференции XI Виноградовские чтения : в 2 томах. — Москва : МГПУ ; Ярославль : Ремдер, 2009. — Т. 2. — С. 12—18.
2. *Алпатова Т. А.* Личность и творчество Н. М. Карамзина как мера методологического развития русской историко-литературной науки / Т. А. Алпатова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия : Русская филология. — 2011а. — № 4. — С. 113—118.
3. *Алпатова Т. А.* Петр I в художественном мире «Писем русского путешественника» Н. М. Карамзина / Т. А. Алпатова // Вопросы методологии современного литературоведения : материалы Всероссийской научно-практической конференции. — Хабаровск : Изд. ДВГТУ, 2007. — С. 31—43.
4. *Алпатова Т. А.* Проблема генезиса духовно-нравственной проблематики поэзии М. Ю. Лермонтова (Лермонтов и Карамзин) / Т. А. Алпатова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия : Русская филология. — 2011б. — № 3. — С. 94—100.
5. *Белинский В. Г.* Полное собрание сочинений : в 13 томах / В. Г. Белинский. — Москва : Акад. наук СССР, 1955. — Т. 7. — 740 с.
6. *Гаврюшин Н. К.* На границе философии и богословия : Шеллинг — Одоевский — митрополит Филарет (Дроздов) / Н. К. Гаврюшин // Богословский вестник. — 1998. — Т. 2. — № 2. — С. 82—95.
7. *Зеньковский В. В.* История русской философии / В. В. Зеньковский. — Париж : YMCA-PRESS 11, rue de la Montagne-Ste-Genevieve, 1989. — Т. 1. — 470 с.
8. *Карамзин Н. М.* Записка о древней и новой России / Н. М. Карамзин. — Москва : Наука, 1991. — 128 с.
9. *Карамзин Н. М.* Избранные сочинения в двух томах / Н. М. Карамзин. — Москва ; Ленинград : Художественная литература, 1964. — Т. 1. — 810 с. — Т. 2. — 591 с.
10. *Карамзин Н. М.* История Государства Российского : в 12 томах / Н. М. Карамзин. — Санкт-Петербург : А. Смирдин, 1851—1853. — Кн. 1—6. — Книга 1 (Т. I—II). — 1851. — Т. I. — XLII, 258, IV. — Т. II. — 337, IX с.
11. *Литературные прибавления к «Русскому инвалиду» за 1837 г.* — № 1. — С. 1—8.
12. *Минаков А. Ю.* Карамзин [Электронный ресурс] / А. Ю. Минаков // Правая. Ru. — 2005. — 03 июня. — Режим доступа : <http://rusk.ru/st.php?idar=12096>.
13. *Никонов В. А.* Карамзин как уважаемый консерватор / В. А. Никонов. — Родина. — 2012. — № 2. — С. 2—5.
14. *Одоевский В. Ф.* Записки для моего праправнука / В. Ф. Одоевский. — Москва : Русский мир, 2006. — 523 с.
15. *Одоевский В. Ф.* О литературе и искусстве / В. Ф. Одоевский. — Москва : Современник, 1982. — 218 с.
16. *Одоевский В. Ф.* Петербургские письма / В. Ф. Одоевский // Московский наблюдатель : журнал. — 1835. — Часть I. — № 1. — С. 56—69.
17. *Одоевский В. Ф.* Сочинения в 2 томах / В. Ф. Одоевский. — Москва : Художественная литература, 1981. — Т. 1. — 365 с.
18. *Рудковская И. Е.* Н. М. Карамзин и П. Я. Чаадаев : историографическое и историософское наследие в контексте проблемы вызова и ответа / И. Е. Рудков-

ская // Вестник Томского государственного университета. — 2013. — № 369. — С. 88—95.

19. Сакулин П. Н. Из истории русского идеализма : князь В. Ф. Одоевский : Мыслитель. — Писатель : в 2 томах / П. Н. Сакулин. — Москва : М. и С. Сабашниковы, 1913. — Т. 2. — 480 с.

20. Сапченко Л. А. Карамзин в движении времени [Электронный ресурс] / Л. А. Сапченко // Н. М. Карамзин : pro et contra / сост., вступ. ст. Л. А. Сапченко. — Санкт-Петербург : РХГА, 2006. — Режим доступа : http://az.lib.ru/k/karamzin_n_m/text_0950.shtml.

21. Сахаров В. И. О жизни и творениях В. Ф. Одоевского / В. И. Сахаров — В книге : Одоевский В. Ф. Сочинения : в 2 томах / В. Ф. Одоевский. — Москва : Художественная литература, 1981. — Т. 1. — С. 5—28.

22. Соллогуб В. А. Воспоминание о князе В. Ф. Одоевском / В. А. Соллогуб. — В книге : Одоевский В. Ф. Записки для моего праправнука / В. Ф. Одоевский. — Москва : Русский мир, 2006. — С. 473—474.

23. Сумцов Н. Ф. Князь В. Ф. Одоевский [Электронный ресурс] / Н. Ф. Сумцов. — Харьков : Тип. М. Зильберберга, 1884. — 63 с. — Режим доступа : http://az.lib.ru/o/odoevskij_w_f/text_0650oldorfo.shtml.

24. Сытина Ю. Н. Евангельская притча о талантах в жизни и творчестве В. Ф. Одоевского / Ю. Н. Сытина // Проблемы исторической поэтики. — 2014. — Т. 12. — С. 189—198.

25. Турьян М. А. Владимир Одоевский и Лермонтов : к истокам религиозных споров [Электронный ресурс] / М. А. Турьян. — 2006. — Режим доступа : http://imwerden.de/pdf/turjan_odoevsky_i_lermontov.pdf.

26. Турьян М. А. Странная моя судьба : о жизни В. Ф. Одоевского / М. А. Турьян. — Москва : Книга, 1991. — 400 с.

«I'm <...> not a karamzinist, but...»: N. M. Karamzin in Perception of V. F. Odoevsky (Problem Statement)

© Sytina Yuliya Nikolayevna (2015), PhD in Philology, senior lecturer, Department of Russian Classic Literature, Moscow State Regional University (Moscow, Russia), yulyasytina@yandex.ru.

The problem of perception the personality, literary and historical heritage of N. M. Karamzin by V. F. Odoevsky is examined. V. F. Odoevsky is the romanticist, philosopher, statesman who belonged to quite a different generation than Karamzin, but who felt the power and influence of the historian on Russian society as a whole. The question is relevant also from the point of view of understanding the place that was occupied by Karamzin in the minds of the people of the Nicholas era, and from the point of view of existence and development of ideas about which the chief Russian sentimentalist worried. Moreover, the comparison of Karamzin and Odoevsky allows you to look at their beliefs in a new, sometimes unexpected perspective, which gives to both thinkers characteristic expression and colors, underlines their identity. Attention is paid not only to literary and aesthetic, but also religious and philosophical, historiographical, social and political pursuits of Karamzin and Odoevsky, reflecting the development of the Russian thought tend to a providential understanding of historical process. The principal difference between Karamzin's views and the position of Odoevsky on a range of issues is that the former concludes, gazing intently into the past and considering it is the basis of prosperity, while the latter, on the contrary, points into the future.

Key words: N. M. Karamzin; V. F. Odoevsky; literature; history; historical philosophy; tradition.

References

- Alpatova, T. A. 2009. Karamzin-povestvovatel': dialog s istoriyey na stranitsakh «Pisem russkogo puteshestvennika». In: *Tekst i kontekst v literaturovedenii: sbornik nauchnykh statey po materialam Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii XI Vinogradovskiyechteniya: v 2 tomakh*. Moskva: MGPU; Yaroslavl': Remder. 2: 12—18. (In Russ.).
- Alpatova, T. A. 2011a. Lichnost' i tvorchestvo N. M. Karamzina kak mera metodologicheskogo razvitiya russkoy istoriko-literaturnoy nauki. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya*, 4: 113—118. (In Russ.).
- Alpatova, T. A. 2007. Petr I v khudozhestvennom mire «Pisem russkogo puteshestvennika» N. M. Karamzina. In: *Voprosy metodologii sovremennogo literaturovedeniya: materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Khabarovsk: Izd. DVGGU. 31—43. (In Russ.).
- Alpatova, T. A. 2011b. Problema genezisa dukhovno-nravstvennoy problematiki poezii M. Yu. Lermontova (Lermontov i Karamzin). *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya*, 3: 94—100. (In Russ.).
- Belinskiy, V. G. 1955. *Polnoye sobraniye sochineniy: v 13 tomakh*. Moskva: Akad. nauk SSSR, 7: 740. (In Russ.).
- Gavryushin, N. K. 1998. Na granitse filosofii i bogosloviya: Shelling — Odoevskiy — mitropolit Filaret (Drozdov). *Bogoslovskiy vestnik*, 2(2): 82—95. (In Russ.).
- Karamzin, N. M. 1851. *Istoriya Gosudarstva Rossiyskogo: v 12 tomakh*. Sankt-Peterburg: A. Smirdin, 1851—1853. Kn. 1—6. I: XLII, 258, IV; II: 337, IX. (In Russ.).
- Karamzin, N. M. 1964. *Izbrannyye sochineniya v dvukh tomakh*. Moskva; Leningrad: Khudozhestvennaya literatura, 1: 810. 2: 591. (In Russ.).
- Karamzin, N. M. 1991. *Zapiska o drevney i novoy Rossii*. Moskva: Nauka. 128. (In Russ.). *Literaturnyye pribavleniya k «Russkomu invalidu» za 1837 g. 1: 1—8*. (In Russ.).
- Minakov, A. Yu. 2005. Karamzin. In: *Pravaya.Ru*, 03 iyunya. Available at: <http://rusk.ru/st.php?idar=12096>. (In Russ.).
- Nikonov, V. A. 2012. Karamzin kak respektabelnyy konservator. *Rodina*, 2: 2—5. (In Russ.).
- Odoevskiy, V. F. 1982. *O literature i iskusstve*. Moskva: Sovremennik. 218. (In Russ.).
- Odoevskiy, V. F. 1835. Peterburgskiyeh pis'ma. *Moskovskiy nablyudatel'*, 1(1): 56—69. (In Russ.).
- Odoevskiy, V. F. 1981. *Sochineniya: v 2 tomakh*. Moskva: Khudozhestvennaya literatura. 1: 365. (In Russ.).
- Odoevskiy, V. F. 2006. *Zapiski dlya moyego praprawnuka*. Moskva: Russkiy mir. 523. (In Russ.).
- Rudkovskaya, I. E. 2013. N. M. Karamzin i P. Ya. Chaadaev: istoriograficheskoye i istoriosofskoye naslediyeh v kontekste problemy vyzova i otveta. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 369: 88—95. (In Russ.).
- Sakharov, V. I. 1981. O zhizni i tvoreniyakh V. F. Odoevskogo. In: Odoevskiy, V. F. *Sochineniya: v 2 tomakh*. Moskva: Khudozhestvennaya literatura, 1: 5—28. (In Russ.).
- Sakulin, P. N. 1913. *Iz istorii russkogo idealizma: knyaz' V. F. Odoevskiy: Myslitel'. Pisatel': v 2 tomakh*. Moskva: M. I S. Sabashnikovy. 2: 480. (In Russ.).
- Sapchenko, L. A. 2006. Karamzin v dvizhenii vremeni. In: Sapchenko, L. A. (ed.). *N. M. Karamzin: pro et contra*. Sankt-Peterburg: RKhGA. Available at: http://az.lib.ru/k/karamzin_n_m/text_0950.shtml. (In Russ.).

- Sollogub, V. A. 2006. Vospominaniye o knyaze V. F. Odoevskom. In: Odoevskiy, V. F. *Zapiski dlya moyego prapranuka*. Moskva: Russkiy mir. 473—474. (In Russ.).
- Sumtsov, N. F. 1884. *Knyaz' V. F. Odoevskiy*. Khar'kov: Tip. M. Zil'berberga. 63. Available at: http://az.lib.ru/o/odoewskij_w_f/text_0650oldorfo.shtml. (In Russ.).
- Sytina, Yu. N. 2014. Evangelskaya pritcha o talantakh v zhizni i tvorchestve V. F. Odoevskogo. *Problemy istoricheskoy poetiki*, 12: 189—198. (In Russ.).
- Turyan, M. A. 1991. *Strannaya moya sud'ba: o zhizni V. F. Odoevskogo*. Moskva: Kniga. 400. (In Russ.).
- Turyan, M. A. 2006. *Vladimir Odoevskiy i Lermontov: k istokam religioznykh sporov*. Available at: http://imwerden.de/pdf/turjan_odoevsky_i_lermontov.pdf. (In Russ.).
- Zen'kovskiy, V. V. 1989. *Istoriya russkoy filosofii*. Parizh: YMCA-PRESS 11, rue de la Montagne-Ste-Genevieve. 1: 470. (In Russ.).